

Семья Пэй зарабатывает на жизнь плотничеством, и уж чего-чего, а дерева в их доме всегда было много. Каждый год, с наступлением осени и зимы, Пэй-плотник нанимал людей, чтобы те отправлялись в горы рубить дрова. В это время года стволы деревьев становились суше, и материал получался лучше.

Если только в округе не затевалось крупное строительство, этих заготовок обычно хватало семье на целый год.

Обрезки и стружку, остававшиеся после работы, складывали в небольшой сарай у кухни — они шли на растопку.

Хэ Чжэньшу пришёл в кухню, чтобы развести огонь и вскипятить воду. Он только успел поставить котёл, как снаружи, из-за забора, донёсся шум и крики.

«Да как же так можно, а?!» - визгливый женский голос звенел, перекрывая остальной гомон. «Раз не можешь смотреть за своим зверюгой, так не держи его вовсе! Зарежь да свари, в деревне всем пользы будет!»

У ворот стояла женщина. Руки в боки, рот не затыкался. Её крик уже собрал вокруг добрый десяток зевак.

Пэй Ланьчжи, прислонившись к дверному косяку, прищурилась и с легкой насмешкой произнесла:

«Тётка Лю, скажи-ка, у дяди Лю нога сломана или рука? С чего это он так перепугался, что из дому выйти не смеет, и тебя послал вместо себя ругаться?»

«Ты!..» — та задохнулась от злости.

«К тому же, - не дав ей вставить слово, Ланьчжи продолжила, - наш Дахэй всегда послушный, на людей не кидается. Может, твой старик что-то такое сказал, что даже собака стерпеть не смогла?»

Последние слова она специально протянула, с мягкой, почти ленивой насмешкой.

Толпа вокруг дружно начала смеяться.

Лицо тётки Лю то краснело, то белело. А тут кто-то подхватил:

«Да, верно, он и правда ляпнул что-то! Я ж слышал, пару дней назад он как раз вспоминал семью Пэй недобрым словом».

«Ага, говорил, что мальчишка Пэй долго не проживёт!»

«Ну, так всё ясно. Пёс, выходит, умнее хозяина. Чувствует, где зло!»

Тётка Лю, окончательно растеряв остатки достоинства, прорычала:

«Ещё посмотрим, чья возьмёт!» - и, топая ногами, ушла прочь.

Пэй Ланьчжи спокойно закрыла ворота, обернулась, и встретилась взглядом с Хэ Чжэньшу, стоявшим позади.

«Сестра...» - негромко сказал он.

Хэ Чжэньшу открыл было рот, но Пэй Ланьчжи уже прошла мимо него, направляясь вглубь двора и на ходу сказала:

«Опять старик Лю за спиной языком чешет, да?»

Хэ Чжэньшу кивнул:

«Угу».

«Ну и правильно, что ты с ним не церемонился» - сказала она, заходя на кухню.

Она вошла на кухню, и, увидев кипящую воду на плите, помогла Хэ Чжэньшу достать деревянный таз и перелить ее.

«Чанлин у нас человек мягкий. Сколько раз его в детстве в деревне дразнили, а он всё терпел. И когда про него за спиной шептались, тоже терпел. А я вот не могу».

Пар из таза поднимался густым белым облаком. Пэй Ланьчжи выпрямилась, на лице её мелькнула тень улыбки:

«Так что ты тоже не терпи. Если кто обидит, зови сестру. Я за тебя постою, ясно?»

...

Хэ Чжэньшу с тазом горячей воды вышел во внутренний дворик.

Окно в спальне было наполовину открыто.

Тот, кто должен был сейчас лежать в постели, сидел у окна. В руках у Пэй Чанлина была лёгкая тонкая стамеска, он бережно соскабливал с дощечки тончайшую стружку.

Вот ещё одно применение тем обрезкам, что оставались после плотницкой работы.

Плотницкое дело требует не только силы, но и сосредоточенности. Поэтому отец, старый Пэй, изначально не хотел, чтобы сын этим занимался.

Но тот упрямо тянулся к дереву.

Сначала просто сидел рядом и наблюдал, как отец работает, потом стал потихоньку таскать из сарая отходы и пробовать сам.

Первым его изделием оказался изящный замок Лу Бана — игрушка-головоломка с хитрой системой соединений.

Даже Пэй-плотник тогда поразился: откуда у этого хилого мальчишки, что топор-то едва поднимает, такой удивительный талант?

С тех пор он перестал ему запрещать, а напротив, время от времени показывал, как держать резец, как подбирать волокно.

Теперь в деревне мало кто знал, что в мастерстве Пэй Чанлин почти не уступал своему отцу.

Только вот тело его оставалось предательски слабым. Стоило поработать с усердием и сердце начинало биться неровно, появлялась одышка, а потом неизменно приходила лихорадка.

Если Хэ Чжэньшу не ошибался, прошлый приступ болезни как раз случился после нескольких дней такой работы, и длился он не меньше недели.

И он снова осмелился?

Хэ Чжэньшу подошёл к окну. Не успел он заговорить, как Пэй Чанлин остановил движение руки и поднял взгляд.

Он прекрасно понимал, что делает.

После последнего приступа Пэй Ланьчжи отобрала у него все инструменты, сказав, что пока не поправится, о резцах и долотах пусть забудет.

У Пэй Ланьчжи был характер железный, и если она что решила, переубедить её не мог даже родной отец, не говоря уж о Пэй Чанлине.

Он ведь только-только оправился от болезни. Естественно, сестра ни за что не разрешила бы

ему снова братья за инструмент. Всё, что он использовал сейчас, скорее всего, было заранее припрятано им в комнате, в обход её зоркого ока.

Они встретились взглядами на короткое мгновение. Хэ Чжэньшу лишь вздохнул и спокойно сказал:

«Не бойся. Я не выдам тебя».

Пэй Чанлин опустил глаза.

Он лёгко сдул свежую стружку, не задумываясь, развернул заготовку и под тем же углом сделал новый срез.

У Пэй Чанлина были удивительно красивые руки — тонкие, длиннопалые, белые, ногти аккуратно подстрижены, и на их фоне резец чёрного дерева казался особенно тёмным. Движения его были быстрыми и чистыми, каждый рез был точный, уверенный. Всего несколько движений, и на заготовке уже появились два идеально симметричных скоса.

Ни по углу, ни по размеру придраться было не к чему.

Плотницкая работа не терпит неточностей. Малейшее отклонение и вся конструкция пойдёт насмарку. Поэтому опытные мастера всегда пользуются шнуром с тушью, циркулем, линейкой, шаблонами. Недаром говорят: «Без мерил не сделать ни круга, ни квадрата».

Но Пэй Чанлину это всё было не нужно.

Он все мерил на глаз и мог измерить с точностью до градуса. Даже старые мастера, десятки лет, державшие в руках рубанок и резец, удивились бы такому глазу.

Если бы не слабое здоровье, перед этим человеком открывались бы любые дороги.

Хэ Чжэньшу отвёл взгляд, зашел в комнату и вылил горячую воду в умывальный таз.

«Но тебе всё равно надо беречь себя, - сказал он, выжимая намоченный платок, - всё это может подождать, пока ты не встанешь на ноги...»

Движения Пэй Чанлина замерли на секунду.

Хэ Чжэньшу продолжил, чуть мягче:

«Я не утешаю. В мире хватает лекарей и целителей, сейчас ведь не каменный век. Твоя

болезнь не безнадежна. Рано или поздно мы найдём того, кто тебя вылечит».

Он говорил это не просто так. В прошлой жизни им удалось найти врача, способного облегчить состояние Пэй Чанлина. И именно тогда Хэ Чжэньшу понял: этот недуг — не приговор.

Только вот теперь найти того целителя будет куда сложнее.

С этой мыслью он подошёл ближе, выжал платок, и хотел было протянуть его Пэй Чанлину, но тот вдруг тихо спросил:

«Что там, снаружи, за шум был?»

Хэ Чжэньшу замер.

«Н-ничего...» — выдавил он, смотря в сторону.

Пэй Чанлин поднял глаза.

Они встретились взглядами.

У этого болезненного юноши кожа была почти прозрачной, губы бледные, а лицо безмятежное и невыразительное. По нему редко можно было понять, о чём он думает.

Но шум снаружи был таким громким, что на весь двор было слышно. Наверняка он уже догадался, что случилось.

Скорее всего, теперь только и думает, что опять доставил всем хлопоты.

Хэ Чжэньшу тяжело вздохнул, готовясь уже признать вину и извиниться, но Пэй Чанлин вдруг тихо сказал:

«Сельские люди всегда настороженно относятся к чужакам. Тем более ты ведь недавно приехал сюда из города...»

Так оно и было. В деревне соседи могли ссориться хоть каждый день, но стоило появиться постороннему и все сразу становились на одну сторону. Чтобы влиться в этот тесный круг, нужно немало времени.

А если не сумеешь наладить отношения, хорошо ещё, если отделаешься парой сплетен за спиной, а то и вовсе начнут придирается и травить.

Пэй Чанлин хотел продолжить, но вдруг замолчал и покачал головой:

«Впрочем, неважно. Всё равно ведь ты не собираешься задерживаться в деревне надолго».

Кто сказал, что не собираюсь? - мысленно усмехнулся Хэ Чжэньшу.

Если не считать ту жизнь, когда он сбежал раньше времени, то в остальных он жил здесь по полгода и дольше.

Хотя, да, общаться с соседями у него так и не получалось.

Он уже собирался передать Пэй Чанлину влажный платок, как вдруг краем глаза заметил движение у ворот.

Молнией среагировав, он схватил Пэй Чанлина за запястье и быстро прошептал:

«В постель! Живо!»

Пэй Ланьчжи вошла во двор и с порога увидела распахнутое настежь окно.

«Опять открыл? - голос её был строг, - врач ведь сказал, что тебе нельзя быть на сквозняке! Ты что, снова решил...»

Она сердито подошла ближе, и тут её шаг замедлился.

В комнате один сидел, другой лежал.

Тот самый новоиспечённый супруг, недавно вошедший в дом, держал в руках платок и аккуратно вытирал руки лежащему на кровати больному.

Услышав её шаги, оба одновременно обернулись. На их лицах было одинаковое выражение безупречной невинности.

Пэй Ланьчжи: «...»

Пэй Ланьчжи, увидев, что происходит в комнате, вдруг почувствовала себя неловко, словно пришла не вовремя. Она кашлянула, поставила миску на подоконник и сказала:

«Я приготовила для Чжанлиня яичное суфле, пусть ест, пока горячее, - замолчав на секунду, добавила, - обед почти готов, как закончишь, приходи кушать».

Хэ Чжэньшу послушно кивнул:

«Понял, спасибо, сестра».

Когда Пэй Ланьчжи вышла из дома, он с облегчением выдохнул.

Обернулся, а на лице Пэй Чжанлиня тоже появилось выражение явного облегчения.

Хэ Чжэньшу не удержался от улыбки.

«Теперь-то видишь, что я тебе не враг? Если бы не я, тебя бы снова отчитали».

Пэй Чжанлинь промолчал, лишь тихо вытащил из его ладони свою руку.

Хэ Чжэньшу не придавал этому значения. Он подошёл к подоконнику, взял миску и, обернувшись, увидел, как Пэй Чжанлинь наклонился, нащупывая край кровати.

Тот нажал в одном месте, потянул, и из-под кровати выдвинулся спрятанный потайной ящик. Внутри лежали деревянные заготовки и инструменты, которые он успел спрятать раньше.

Хэ Чжэньшу, хоть и видел этот тайник в прошлой жизни, снова не смог сдержать удивления.

Этот больной всегда делал всё по-своему, особенно когда дело касалось плотницкого дела. Он обожал выдумывать разные хитроумные штуки. Потайное отделение под кроватью он сделал сам, втайне от семьи. Снаружи не было ничего необычного, что было бы видно невооружённым глазом, но внутри скрывался целый мир. Он сделал это, чтобы соревноваться со старшей сестрой в остроумии и смелости. Чжэньшу уже привык к подобным тайникам в их доме и сделал вид, что ничего не заметил.

Он подошёл к кровати, держа миску, и сказал:

«Ешь, пока не остыло».

Пэй Чжанлинь поднял глаза и посмотрел на него как-то странно, с трудноразличимым выражением в лице.

Хэ Чжэньшу моргнул:

«Что? Почему смотришь на меня так? Или хочешь сначала умыться?»

Пэй Чжанлинь отвёл взгляд, ничего не ответил, аккуратно сложил деревянные детали и инструменты обратно в ящик и с тихим щелчком закрыл его.

Хэ Чжэньшу растерялся

...А? Почему у него такой вид, будто он рассердился?

Хэ Чжэньшу так и не понял, отчего тот вдруг рассердился. Он поставил миску с яичным суфле, снова опустил остывший платок в горячую воду, хорошенько выжал и вернулся к кровати.

Но не успел он подойти ближе, как Пэй Чжанлинь выхватил у него платок.

«Я сам».

Хэ Чжэньшу моргнул: «Тогда, может, мне и выйти, пока ты умываешься?»

Пэй Чжанлинь поднял глаза, и в его взгляде ясно читались четыре слова: А ты как думаешь?

С виду холодный и отстранённый, но на деле он был до нелепости застенчив. Не терпел, чтобы кто-то, особенно шуаньер, видел его тело.

Даже если этот шуаньер был его законным супругом.

Конечно, сам больной не знал, что в прошлых жизнях, когда он лежал без сознания, Хэ Чжэньшу уже успел увидеть всё, что только можно.

«Что тут стесняться?» - с усмешкой подумал он.

Он не стал спорить, лишь сказал:

«Яичное суфле не остыло, поешь, пока горячее».

И, развернувшись, вышел из комнаты.

В последнее время, когда в поле дел почти не было, в деревне обычно ели два раза в день. С самого утра Хэ Чжэньшу успел перекусить лишь половинкой лепёшки из проса, и теперь от голода у него живот буквально сводило.

В переднем дворе Пэй Ланьчжи как раз выносила из кухни последнюю тарелку яичного суфле: «Иди обедать. Твой шурин ушёл в город за лекарством для Чжанлиня, так что сегодня обедаем вдвоём».

Пэй Чжанлинь, которому нужно было лежать и беречь силы, обычно не выходил к столу, еду ему носила сестра. Теперь же, после свадьбы, это стало обязанностью Хэ Чжэньшу.

Хэ Чжэньшу пошёл на кухню, чтобы вымыть руки, и помог Пэй Ланьчжи достать посуду и

палочки для еды.

Семья Пэй считалась в деревне богатой, но сильно отставала от городских торговцев, особенно учитывая наличие большого ребёнка. Их жизнь была определённно небогатой. Что касается еды и питья, семья Пэй жила скромно, и мясо на столе по будням появлялось редко.

Овощи они собирали со своего огорода и обжаривали их, с добавлением перца чили и с небольшим кусочком сала, который оставался после праздничного стола. В основном в деревне выращивали пшеницу, а основная еда - паровые булочки и блины. Сегодня в центре стола лежали булочки. Хэ Чжэньшу мог съесть всего одну, но сегодня перед ним стояла еще и миска с яичным суфле.

«Это тебе» - небрежно сказал Пэй Ланьчжи, заметив его слегка удивлённое выражение лица.

«Дома оставалось два яйца. Я приготовила для вас с Пэй Чжанлин. Приятного аппетита».

Пэй Ланьчжи была превосходным поваром.

Пэй Ланьчжи готовила прекрасно: яичное суфле было пропарено в самую меру, гладкое, нежное, посыпанное свежим зелёным луком и без малейшего запаха. Оно было ничуть не хуже, чем у поваров в городских ресторанах.

Но Хэ Чжэньшу не спешил есть.

Семья Пэй разводила кур, и яйца не считались большой ценностью, но семья Пэй потратила много денег на свадьбу, и сейчас у семьи их оставалось не много. Пэй Чанлин плохо себя чувствовал, и поэтому ему нужно было сейчас съесть что-нибудь вкусненькое, но то, что миску с яйцом поставили перед ним, вызвало у Хэ Чжэньшу лёгкое смущение.

В прошлых жизнях Пэй Ланьчжи поначалу и смотреть на него не хотела. О какой заботе могла идти речь? К тому же, сегодня он устроил дома кое-какие неприятности. Тем не менее, Хэ Чжэньшу не стал отказываться от её доброты. Он взял чистую ложку, аккуратно разделил суфле пополам и переложил половину в пустую миску перед Пэй Ланьчжи.

«Сестра, давай поедим вместе. Я все равно столько не съем» - мягко сказал он.

Пэй Ланьчжи посмотрела на него, ничего не ответила.

Поначалу она была недовольна новым «мужем». Шуаньэрам, вроде него, не так легко живётся, как девочкам. Чем беднее место, тем менее ценной становится Шуаньэр. Кто бы мог подумать, что её отец, съездив всего раз в город, вдруг присмотрит себе именно этого шуаньэра из семьи Хэ, да ещё и бывшего книжного торговца.

Хотя род Хэ сейчас и обеднел, всё же происходил не из простого люда.

Чтобы женить Хэ Чжэньшу, семья Пэй заплатила за сватовство целых двадцать юаней - сумму, равную годовому доходу всей семьи.

А ведь, когда Пэй Ланьчжи в своё время выходила замуж, её выкуп составил всего восемь юаней. Двадцать юаней за шуаньера, да ещё и городского!

Если бы это была деревенская девушка, ловкая и работающая - одно дело, а женить сына на избалованном господчике из города — что за нелепость?

Пэй Ланьчжи заранее была уверена: уж кто за кем будет ухаживать — большой вопрос. Не придётся ли больному брату самому прислуживать новому «мужу»?

Поэтому, когда новый муж впервые пришёл домой, она отнеслась к нему придирчиво, но, побыв с ним несколько дней, этот человек оказался совсем не похожим на молодого господина.

Он был не очень умелым и опытным в работе, но был прилежным, и он знал, что нужно защищать Пэй Чанлиня от других людей. Недовольство Пэй Ланьчжи постепенно рассеялось. И эта миска яичного суфле сегодня, была своего рода извинение за прежнюю суровость.

Но она не ожидала, что Хэ Чжэньшу окажется таким чутким и благодарным.

«Выйти замуж за этого молодого человека, Чанлиня, было правильным решением» - подумала она, но вслух ничего не сказала, лишь кивнула и молча доела обед.

Пообедав она сказала:

«После обеда схожу в горы. Торговец травами должен прийти завтра, нужно собрать немного лекарственных растений».

В горах недалеко от деревни Сяхэ росло множество диких целебных трав. Торговцы травами регулярно заезжали в деревню, и в сезон безделья крестьяне часто ходили в горы собирать травы, чтобы немного подзаработать.

Пэй Ланьчжи тоже занималась этим.

Хэ Чжэньшу в это время помогал ей мыть посуду и чистить котлы. Услышав её слова, он поднял голову:

«Я пойду с тобой».

Пэй Ланьчжи удивилась:

«А ты что, травы различаешь?»

Хэ Чжэньшу чуть замялся, затем кивнул:

«Немного».

Раньше, до свадьбы, он в травах не разбирался вовсе. Но в прошлых жизнях часто ходил с Пэй Ланьчжи в горы и со временем выучил названия и свойства некоторых растений.

«Вы собираетесь в горы?» - голос Пэй Чанлина прозвучал из-за двери.

Он поставил пустую миску на стол и тихо добавил:

«Вчера ночью был дождь. Сейчас подниматься в горы опасно».

«Что?» - удивилась Пэй Ланьчжи.

Для людей, живущих у подножия гор, дождь никогда не был помехой. Даже когда Пэй Чанлин был маленьким, он не раз бегал с ней в горы за грибами и ягодами, и никому тогда в голову не приходило бояться скользкой тропы.

К тому же, разве травы не растут лучше всего именно после дождя?

Хэ Чжэньшу, не зная всех этих тонкостей, недоумённо моргнул:

«Правда? Ну и что же тогда делать?»

Пэй Чанлин приоткрыл было рот, но ответить не успел, Пэй Ланьчжи перебила его, весело отмахнувшись:

«Да ладно, ничего страшного. В сарае есть несколько пар соломенных сандалий, я недавно сплела, в них не будет скользко».

Она взяла у Хэ Чжэньшу из рук миску и сказала:

«Шу, сходи примеряй, вдруг какая подойдёт».

«Хорошо» - послушно ответил он, вытер руки и вышел из кухни.

Когда шаги удалились, Пэй Ланьчжи цокнула языком:

«После дождя в горы опасно... Не ты ли сам в детстве просил, чтоб я брала тебя в лес по

грибы?»

Пэй Чанлин промолчал.

«А я, бывало, травы собирала, - продолжала она, прищурившись, - что-то не помню, чтоб ты обо мне тогда так заботился».

<http://bllate.org/book/14476/1280765>